

Когда ткани попадут в императорский дворец, простым людям, пожалуй, уже не доведется их увидеть.

Боковую комнату, где ранее останавливался Сун Цзиньшу, Янь Чэн переоборудовал в кладовую для одежды, и Сун Цзиньшу, оставшись без места для сна, вынужден был каждую ночь ютиться на одной кровати с Янь Чэном.

Кровать была немаленькой, но Янь Чэн почему-то любил обнимать его со спины, и несколько раз Сун Цзиньшу ощущал на своей спине нечто твердое и горячее.

Однако каждую ночь Янь Чэн сдерживался и не трогал его. В зимнюю стужу он по ночам постоянно вставал, чтобы обливаться холодной водой. Сун Цзиньшу не выносил вида его мучений, но не решался сам предложить ему заняться *этим*.

— М-м...

Сун Цзиньшу почувствовал движение рядом и попытался проснуться, но Янь Чэн снова прижал его к кровати, по дороге запустив под одежду руки.

— Сегодня в северной части города крупная сделка, я, скорее всего, не вернусь на обед. Ты и старший брат меня не ждите, — Янь Чэн подвязывал пояс, а взгляд его был прикован к покрасневшим губам Сун Цзиньшу.

В северной части города приближался шестидесятилетний юбилей главы семьи Юэ, и в последние дни Янь Чэн был занят с утра до ночи. Ему приходилось лично встречать важных гостей в лавке тканей, а также ездить в дом семьи Юэ, чтобы снимать мерки со старика.

За несколько дней он заметно похудел.

Сун Цзиньшу, разбуженный, не мог снова уснуть и решил встать вместе с Янь Чэном. Накинув новую красную лисью шубу, которую Янь Чэн принес ему из лавки, он вышел из внутренних покоев.

Янь Чэн разговаривал во дворе с Янь Чи, чья болезнь начала отступать только к пятнадцатому числу. Прележав в постели почти полмесяца, он, как только смог двигаться, постоянно хотел выходить на прогулки.

— Отец сказал, что днем привезет младшего брата. Когда вернешься вечером, устрой ему несколько служанок. Он еще маленький, ему обязательно нужно жить с кем-то в одном дворе.

Янь Чи, закончив длинную фразу, закашлялся, прикрывая рот рукой, и его лицо снова побледнело.

Янь Чэн, беспокоясь о его здоровье, поспешил отправить его обратно в комнату.

— Если отец и мать хотят держать этого маленького бесенка при себе, зачем они возвращают его во внутренний двор? Здесь никто не будет баловать его, как драгоценность.

Янь Чи посмеялся над ним, затем повернулся и увидел Сун Цзиньшу, выходящего из комнаты. С улыбкой он подошел к нему и взял его за руку.

— Днем я хочу пойти в сливовую рощу. Цзиньшу, пойдешь со мной?

Янь Чэн оглянулся на него, но при Янь Чи не мог позволить себе ничего лишнего с Сун

Цзиньшу, лишь улыбнулся ему и быстро покинул дом.

Янь Чи с ухмылкой смотрел на Сун Цзиньшу, заставляя того смущенно опустить глаза и смотреть на свои носки.

Боясь, что он слишком досаждаёт младшей сестре жены, Янь Чи перестал подшучивать и, взяв Сун Цзиньшу за руку, повёл его на кухню, умоляя приготовить ему тьянмэнь.

Сун Цзиньшу, надев фартук, стоял у плиты и занимался готовкой, а Янь Чи, подперев подбородок рукой, с интересом наблюдал, как тот лепит маленькие шарики из теста и бросает их в кипящую воду.

В кухне стояла тишина, которая начинала угнетать. Вскоре Янь Чи начал рассказывать Сун Цзиньшу забавные истории из детства Янь Чэна.

Начиная с того, как тот в два-три года описался в постель, и заканчивая тем, как в семь-восемь лет он залез на дерево за птичьими яйцами и чуть не спустился оттуда, за что отец наказал его, оставив висеть на дереве до вечера.

Сун Цзиньшу слушал с интересом, уголки его губ поднимались в улыбке, а длинные ресницы, словно маленькие веера, лежали на нижних веках.

— Фэнчжун в детстве очень привязывался ко мне и даже говорил, что когда женится, то обязательно покажет мне свою жену. Но кто бы мог подумать, что сейчас у него целый гарем, и ни одна из них не прошла моего одобрения.

Янь Чи положил на стол постепенно остывающую грелку и взял чашку горячей воды, которую Сун Цзиньшу налил ему, чтобы согреть руки. Его лицо выражало легкую грусть.

— Не знаю, доживу ли я до того дня, когда услышу, как ваш ребенок назовет меня дядей. Янь Чи любил детей, но родственники в семье общались нечасто, и все они были его сверстниками. Единственным ребенком, которого он мог видеть, был Янь Цзэ.

— Эта болезнь — настоящее проклятие.

Произнося это, Янь Чи улыбался с долей смирения, наблюдая, как Сун Цзиньшу вылавливает из кастрюли уже готовые шарики, всплывшие на поверхность, и добавляет в них немного сахара и кунжута.

Аромат сладкого вина быстро наполнил кухню, и Янь Чи, не терпя, зачерпнул ложкой один шарик. Только коснувшись его языком, он обжегся и уронил ложку, схватившись за мочки ушей и высунув язык, чтобы охладить его.

— Как же горячо!

Сун Цзиньшу, глядя на усталость и болезненность в глазах Янь Чи, вдруг понял, что тот похудел с начала года, и ему стало не по себе.

— Все... все будет хорошо.

Янь Чи сначала не понял, что сказал Сун Цзиньшу, но, увидев, как его глаза, обычно яркие, словно наполненные слезами, полны беспокойства, он улыбнулся и нежно ущипнул мягкую щеку Сун Цзиньшу.

— Да, все будет хорошо.

За обедом Янь Чэн действительно не вернулся.

Сун Цзиньшу и Янь Чи поели в комнате, и Янь Чи, привыкший к послеобеденному сну, отправился отдыхать. Сун Цзиньшу не стал ему мешать и вернулся в комнату Янь Чэна, осторожно достал с полки книгу, которую мог понять, и сел на тахту.

Когда привезли Янь Цзэ, Янь Чи только что встал с постели. Возможно, из-за того, что утром он выпил слишком много сладкого вина, его тошнило, и он кашлял, чем напугал всех служанок.

Поэтому, когда Янь Цзэ привели во двор, никто не вышел его встретить. Только слуга, который его привез, начал стучать в двери, и Янь Чи, потирая лоб, вышел, поддерживаемый Сун Цзиньшу.

Янь Цзэ простоял на снегу полчаса, и его лицо выражало недовольство. Увидев старшего брата, он даже не захотел с ним разговаривать.

Он заметил красную лисью шубу на плечах Сун Цзиньшу и, высокомерно задрав подбородок, сказал:

— Сними шубу и дай мне ее!

Сун Цзиньшу на мгновение замешкался, но покачал головой, отказавшись, и даже плотнее закутался в шубу.

Янь Цзэ, привыкший получать все, что хочет, от родителей, не смог вынести такого унижения и бросился срывать шубу с плеч Сун Цзиньшу.

Янь Чи, увидев это, схватил его за запястье, но, к своему удивлению, за полмесяца мальчик набрался сил и, резко дернув шубу, оттолкнул Янь Чи на несколько шагов назад.

Служанки едва успели поддержать его за поясницу, чтобы он не упал.

— Этого нельзя! Если третьему господину нужна шуба, пусть завтра второй господин принесет из лавки штук три-пять.

Это сказала У Юэ, личная служанка Янь Чи.

Она прожила в доме Янь больше десяти лет и с детства служила Янь Чи, поэтому имела вес в доме.

— У нашего господина слабое здоровье, если вы отнимете у него шубу, он может простудиться, и нам будет трудно объясниться со вторым господином.

Услышав имя Янь Чэна, Янь Цзэ наконец убрал руку, топнул ногой, разбрызгивая снег на одежду Сун Цзиньшу, и с недовольным видом ушел.

— Вот он, маленький бесенок, о котором говорил Фэнчжун!

Янь Чи покачал головой и велел нескольким служанкам следовать за Янь Цзэ.

Когда Янь Чэн вернулся вечером и узнал о случившемся, он с холодным выражением лица

вытащил Янь Цзэ из комнаты, схватил его за воротник и заставил встать на колени в снегу во дворе.

— Здесь не бамбуковый сад. Если ты хочешь оставаться со мной, ты будешь слушаться меня. Иначе, до рассвета я отправлю тебя обратно к родителям!

Снег, растаяв, пропитал ткань на коленях, и холод проник в кости, поднимаясь по позвоночнику.

Янь Цзэ, всхлипывая, кивал, глядя на Янь Чэна, который с аппетитом ел перед ним, и наконец не выдержал, разразившись громким плачем.

— А-а-а, я больше не буду! Я знаю, что был неправ, второй брат!

Слезы, только что скатившиеся по его лицу, замерзли, оставив белые следы.

— У-у-у, я больше... я больше буду слушаться! У-у-у, старший брат, я хочу есть! Невестка, я хочу есть! Я голоден!

Янь Цзэ плакал так, что едва мог дышать, и белки его глаз начали закатываться. Сун Цзиньшу, видя это, не выдержал и потянул за рукав Янь Чэна, который с удовольствием грыз куриную ножку.

Янь Чэн бросил обглоданную кость под дерево, отряхнул несуществующую пыль с брюк и с бесстрастным лицом подошел к Янь Цзэ.

Увидев его выражение, Янь Цзэ задрожал, и его плач стал тише.

— Еще будешь толкать старшего брата? Отнимать шубу у невестки?

Янь Чэн поднял его с земли, словно перенесся в прошлое, где Янь Цзэ смотрел на него свысока и смеялся. Его глаза, покрытые красными прожилками, смотрели на Янь Цзэ так, будто он готов был разорвать его на части.

— Еще хочешь шубу? А?

Янь Цзэ, рыдая, весь дрожал и, услышав слова Янь Чэна, начал мотать головой, как маятник.

<http://bllate.org/book/16689/1531847>